

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
0-73

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Осинкина, Рина.

0-73 Убить админа / Рина Осинкина. – Москва : Эксмо, 2020. – 320 с. –
(Ловушки мегаполиса. Городской детектив).

ISBN 978-5-04-109472-0

У Кати Поздняковой имелась сотня причин ненавидеть холеного, наглого, саркастичного, неприлично богатого Олега Демидова. Но даже самой себе она боялась признаться, что на самом деле за ненавистью кроются совсем другие чувства. Быть может, о них никто бы никогда и не узнал, если бы в интернате для детей-сирот, где Демидов был одним из спонсоров, а Катя – добровольным помощником по компьютерному обеспечению, не произошло убийство...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Осинкина Р., 2020

© Оформление.

000 «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109472-0

Возле подъезда на скамеечке, вытянув длинные ноги, сидела Викуся, имея вид независимый и даже как бы незаинтересованный. Малиновая челка, ярко-полосатые гетры-самовязы, шарф в три оборота вокруг дутого воротника коротенькой курточки. Красота.

— Ну и чего ты тут киснешь? — хмыкнула Катя. — Сбежала?

— Почему — сбежала? — подшмыгивая носом, вяло возмутилась Викуся. — Я же не в колонии строгого режима для особо одаренных, сделала уроки и погулять решила. И вот гуляю. Здесь случайно. Мимо шла.

— А... Тогда пошли, чайку попьем.

Они устроились на кухне и принялись пить чай с конфетами «Ласточка» и ванильными сушками.

— А где Геннадий? Поругались опять?

— Теть Кать, ну ведь ты знаешь, он зубрилка. У них во вторник контрошка по химии, вот он и засел. В субботу засел, прикинь?

Катя хмыкнула и отвернулась к окну. «Ноябрь, ты прекрасен! Прекрасен! Н-да...»

Викуся, воспользовавшись ее меланхолией, быстро сунула две конфетки в нагрудный кармашек рубашки и похлопала, сплющивая, чтобы не оттопыривались.

– Теть Кать, чего тебе поделывать надо? Хочешь, пропылесосу? Или вон керамику твою ужасную протру? Она и без пыли-то...

– Но-но! Ты не очень-то критику наводи, ценитель тоже... Я и без тебя все смогу протереть и пропылесосить, не дряхлая. Иди вон лучше в бронзулетках моих покопайся или, хочешь, мультики вместе посмотрим, а потом мне уйти надо будет снова, ты уж извини.

– Опять? Ты ж только пришла!

– Мне на работу надо, в пятницу кое-что не успела, а обещала.

– На работу? А была где? С утра пораньше?..

– М-м-м... У зубного? – спросила задумчиво Катя, рассматривая чайники на дне чашки.

– Не у зубного! – парировала Викуся. – Ты сушки вон трескаешь, а после зубного два часа есть нельзя.

– А может, я добиралась оттуда два часа, – усмехнулась Катя.

– Ага. Во сколько же тебе тогда встать пришлось, чтобы два часа туда ехать? Не верю.

– Тогда на ранней службе в храме, как раз по времени сходится.

– Теть Кать, ты ж неверующая, какой еще храм?

– Почему же, Виктория, ты считаешь, что я неверующая? – удивилась Катя.

– Потому, тетя Катя, я считаю, что ты неверующая, что если бы ты была верующая, то носила бы обвисшую черную юбку и коричневый страшный платок и волосы бы не мыла.

– А почему волосы-то не мыла?

– А чего их мыть, если они все равно под платком?

– А может, я из начинающих, из, так сказать, новоначальных, – продолжала развлекаться Катя.

– В таком разе, тетя Катя, тебе еще важнее как неновоначальной выглядеть, а ты в джинсах и кроссовках, так что версия твоя не принимается. Ну, если секрет, не говори, конечно. Если у тебя романтическая встреча до утра затянулась, то, конечно, об ней на каждом углу трепаться не будешь.

– Какая еще встреча! – возмутилась Катерина. – Не болтай чепуху! Я ходила на курсы записываться.

– На курсы! Опять?! Круто! Чему учить будут? На гида-переводчика с китайского? Какие-то полгода занятий, и ты сможешь водить по Кремлю толпы любознательных китайцев!

– Очень остроумно. Но – нет. Я, Виктория, ходила записываться на курсы вождения. Через улицу от нас – автомеханический колледж, при нем курсы, я на них записалась. Занятия с нового года, после каникул. Я дала тебе полный отчет?

– А у тебя чего, машина есть?

– Да, от родителей осталась, «Шкода» старенькая.

– А... – произнесла незаинтересованным голосом Вика. Про родителей она предпочитала ничего не выяснять, и про тети-Катиных тоже.

– И вообще, что ты меня забалтываешь, мне выходить уже скоро.

Викуся и не собиралась ее забалтывать. Викуся собиралась выведать, где она все-таки была, и очень ловко в том преуспела. Викуся должна была держать ее жизнь под контролем, чтобы, мало ли, не нашелся кто-нибудь шустрый и не переманил ее у Викуси насовсем, а этого не должно произойти никогда-никогда.

– Теть Катя, а можно я останусь, тебя подожду? Ты надолго?

– Надеюсь, ненадолго, а остаться нельзя, ты же знаешь. Может Борис Сергеевич прийти, решит, что ты квартирный воришка, и заметет тебя в кутузку.

Викуся вздохнула и, подволакивая ноги, пошла смотреть бронзулетки.

– Теть Кать, а чего ты меня к себе не возьмешь? Квартира такая классная, три комнаты, места на всех хватит... Я бы тебе пылесосила каждый день и за ужасом керамическим бы следила. И школа рядом, переводиться не нужно...

– Ага. Ну да. Я тебя пропишу, а ты мне ножичком по горлу – и в колодец. И будете тут с Геннадием на пару химию учить. Вот только не сопи. Не порти наши высокие отношения. А то я думать начну, что ты только и исключительно из корыстных соображений тут чуть не каждый день тусуешься. Старость мою покоишь.

– Теть Кать, а чего Борис этот все сюда таскается?

– Потому что имеет право, – без интонаций ответила Катя.

– Но ведь ты же хозяйка? Твоя же квартира! Возьми и не пускай его больше, придурка!

– А ты откуда знаешь, что я хозяйка?

«С мое на лавочке посидишь, еще не то узнаешь», – под нос пробубнила Викуся, а громче добавила:

– Случайно, от бабушек.

– Дело в том, Виктория, что когда-то давно, когда еще были живы мои папа и мама, я совершила одну глупость, хотя они меня и предостерегали.

– Какую глупость? Вышла за него замуж и прописала?

– Я же сказала – одну, а ты перечислила две. Вышла замуж. А прописка – это уже вытекающее следствие, его мой отец прописал по моей просьбе. Мальчик был иногородний, не мог же он жить без прописки...

– Ты, наверно, страшненькая была в молодости...

Тут Катя, широко размахнувшись, шлепнула подушкой по выпирающим Викусиным лопаткам. Викуся тут же изобразила раскаяние, построив бровки «чердачком». Катя вздохнула, бросила подушку на диван и отправилась включать компьютер.

Компьютер был хорош, а монитор еще круче – плоский, черный, огромный.

Они пошарили немножко в сети, зашли на пару форумов, потом в поисковике нашли рецепт быстрого пирога с крыжовенной начинкой и маски для проблемной кожи лица и разок срезались в какую-то глупую стрелялку, потому что остальное сегодня было неинтересно.

Наконец Катя засобиралась и стала подталкивать Викусю к выходу.

– Теть Кать, а давай я с тобой, а?

– Иди, иди, чудовище, там, куда я иду, тебе будет скучно и неинтересно. Да и воспитательница, наверно, уже волнуется. Странно, что еще не звонит.

Викуся, недовольно насупившись, влезла в куртейку, обмоталась своим длиннющим шарфом и вышла на лестничную клетку.

Выйдя из подъезда, она не оглянулась на Катины окна, а если бы и оглянулась, то Катя успела бы укрыться за занавеской. А то еще вообразит себе невесть что.

Катя не знала, как она относится к Виктории.

Сначала ей, безусловно, было ее жалко, это естественно. Было еще совестно, чувствовала вину, а это уже неестественно, потому как к Викиной жизненной трагедии Катя никакого отношения не имела. Она вообще не имела отношения ни к чьей трагедии, так, по крайней мере, тогда ей казалось.

Знакомство их началось совсем недавно, пару месяцев назад. В сентябре. Катя собралась куда-то, вещи, что ли, из чистки получить, и в лифте столкнулась с новой соседкой, по слухам – то ли учительницей, то ли завучем в соседней школе.

Соседка оказалась общительной или просто на тот момент из-за чего-то взбудораженной и с ходу принялась темпераментно выкладывать Катерине свою проблему, которая заключалась в появлении нескольких новеньких компьютеров, что радует, и отсутствии должных кадров для их, как она выразилась, введения в эксплуатацию, что ее безумно огорчает.

Соседка была дамой грузной, лет пятидесяти шести – пятидесяти восьми, и при этом чрезвычайно энергичной и напористой.

Такое живое общение могло бы показаться даже милым, если бы не тесное пространство старого лифта. Соседка, ведя повествование, щедро сдабривала жестикуляцией и другими телодвижениями свою и без того образную речь.

Она даже продемонстрировала Катерине, вжавшейся в стенку, как именно тащили старшие школьники мониторы, при этом растопырила руки, согнув слегка ноги в коленях, и потопталась на месте, отчего лифт угрожающе затрясло.

За время пути до первого этажа Катя успела узнать много разного и про учащихся, и про учителей, и про соседей, с которыми была знакома с детства, а также что ее, Катю, зовут Катей, и что работает она администратором в какой-то фирме и недавно разошлась с мужем, и этот паразит до сих пор изводит ее своими визитами, которые наносятся им исключительно для того, чтобы никто не забыл, что он тут прописан, и не посмел поменять замок.

Тут Катя поняла, что многое в жизни упускает и массу вещей не контролирует. И тогда, чтобы перевести разговор в другое русло, Катя сказала, что сложного с компьютерами ничего нет и что она, Катя, наверно, могла бы помочь, если это недалеко.

– Ах, Катенька, девочка, ну что мы с вами можем? Факсы, ксероксы, мини-АТС? И сто восемьдесят ударов в минуту. Я вот могу еще вилку в розетку воткнуть.

Катя усмехнулась, решив про себя, что химчистка подождет, и вызвалась проводить озабоченную соседку, которую, кстати, звали Лидия Петровна, до места ее работы и посмотреть, нельзя ли все-таки что-нибудь сделать.

Не то чтобы она обиделась на «факсы-ксероксы» или делать ей было нечего в свой выходной, но захотелось эффекта, была такая за ней слабость.

Лидия Петровна пожалала большими плечами, и они пошли, как Катерина думала, в соседнюю школу.

Но неожиданно для нее школьную изгородь они миновали, продвинулись еще с полквартиры вглубь и остановились возле такого же решетчатого металлического забора, сквозь который хорошо было видно громоздкое трехэтажное здание – то ли поздний Сталин, то ли ранний Хрущев; и тогда соседка сказала: «Ну, мы пришли, это здесь».

На табличке, прикрепленной к широкой колонне ворот, значилось, что сие учреждение не что иное, как интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без опеки родителей.

Катя не была готова к такому повороту, ей туда не хотелось, но не говорить же милейшей Лидии Петровне, что она передумала. Конечно, идти все-таки придется, но можно оттянуть момент, чтобы как-то себя настроить. Поэтому Катя встала посреди асфальтовой дорожки

напротив сталинско-хрущевского фасада и, сделав заинтересованное лицо, начала внимательнейшим образом его изучать.

– Какая интересная архитектура, – произнесла она светским тоном. – Сложная. Немного тяжеловесно, но это и приятно как раз. Надоела эта набившая оскомину простота стекла и бетона, вы не находите, Лидия Петровна?

Лидия Петровна, которой тоже пришлось остановиться, пожалала плечами:

– Раньше здесь школа была, потом нам отдали. Для школы было удобно – два крыла на каждом этаже, там классы располагались, вон те пристройки – видите справа и слева? – актовый зал и спортзал. А в перешейке – кабинеты, библиотека, канцелярия. Классы мы переоборудовали в спальни, перестроить кое-что пришлось. Приспособились как-то. Хотя состояние ремонта у нас, так сказать, перманентное. Вы же видите, убого все. Хорошо, что отопление в порядке, а с остальным потихоньку справимся. Ну что, пойдёмте, Катюш? Чего это мы тут застряли... – и она снова неспешно зашагала по дорожке в сторону дома.

А Катя все медлила, оглядывая вычурный фасад.

Высокие старомодные окна, широкие скосы оконных проемов, лепные карнизы, разделяющие четкими горизонтальными линиями этажи. Здание было оштукатурено и выкрашено в грязно-розовый цвет, но выкрашено, видимо, давно, местами колер совсем посерел от городской копоти, а штукатурка облетела.

Зато по обеим сторонам фасада выдвинулись вперед два великолепных крыльца с резными двустворчатыми дверьми, с широкими ступенями, чугунными перилами и основательными, такими же тяжеловесными, как и все здание, лепными козырьками над каждым из них.

Лидия Петровна тем временем, развернувшись к Кате широкой кормой, неумолимо следовала к левому подъезду. Тот, что справа, казался заброшенным и оттого каким-то неживым. Катя вяло тащилась следом.

– А зачем так много дверей? Что это за причуда архитектурной мысли? – спросила Катя ей в спину.

Лидия Петровна снова остановилась, оглянулась, поджидая, и терпеливо ответила:

– Так для симметрии, видимо. Хотя для симметрии можно было бы и один вход по центру сделать, как в современных школах. Значит, для шику. Для шику и солидности. Тут мало того что входа два, ведь еще и лестницы две соответственно, а с каждой лестницы еще и выход во двор имеется, так сказать, черный. Нам это неудобно, пришлось одну из них законсервировать, а то ищи потом воспитанников перед отбоем, что младших, что старших. Было уже как-то, набегались мы с Усмановой по этажам... Пользуемся теперь только этой, а правую открываем, если что погрузить-сгрузить нужно, и то со двора.

Лидия Петровна явно недоумевала, почему это она до сих пор здесь, на улице, на ветру и под начинающимся мелким противеньким дождичком, а не там, внутри, где относительно тепло и сухо. И сообразив, что войти ей мешает неумная любознательность спутницы, решительно развернулась в сторону парадного крыльца.

Катя скорбно осознала, что все, время истекло, пора. Она себя одернула, строго приказав не психовать. Может, обычные дети, почему обязательно дауны в обносках?

Катерина мнила себя личностью сильной и, так сказать, много чего испытавшей, причем изо всех сил старалась этому о себе мнению соответствовать, но по детскому дому в тот раз ходила с дере-

вянной улыбкой и очень неискренним взглядом, потому что второпях не решила, как же на всех этих детей ей нужно взирать. То есть что им демонстрировать.

Ребята, я считаю, что вы такие же, как и все? Или так: бедные, бедные мои деточки? Или вообще не замечать их, как стараемся не замечать у инвалида отсутствующий глаз или ногу?

Хорошо, что Лидия Петровна никакими подобными комплексами уже не страдала, а может, не страдала изначально.

Она просто заботилась обо всех этих своих подопечных, заботилась истово и горячо. Раз вы попали ко мне, так я вас буду кормить сытно-вкусно, одевать, обувать, смотреть, чтобы друг друга не обижали.

То ли в эту заботу трансформировалась у нее жалость, или забота эта была некой ширмой от той самой жалости, которую испытывать постоянно очень трудно, а может, это чувство долга, а может, совесть, а может, она просто их всех любила?

Катя ее не спросила ни в тот раз, ни позже и не узнала об этом никогда.

В тот раз она узнала зато, что Лидия Петровна, по фамилии Авдотьева, никакая не учительница и даже не завуч, а директор этого приюта, но педагогический опыт у нее, безусловно, был, и дети ее слушались. Возможно, что и любили.

Помещение интерната изнутри школу совсем не напоминало, а скорее детский садик с хорошими воспитателями.

На полу кое-как и кое-где были набросаны половички и дорожки, на стенах развешаны каракули, а воздух был теплый и пах ванильными булочками.

Как объяснила директриса, игровых комнат было две – для маленьких и для старших. Именно во второй и планировалось установить новые компьютеры, соединив их в сеть.

Год назад интернату повезло, объявился спонсор, который стал время от времени совершать благотворительные акции в виде денежных пожертвований или же крупных подарков для всего заведения в целом. Кстати, деньги начал давать не сразу, а по прошествии времени и всегда требовал отчета в расходах.

Компьютеры привезли на прошлой неделе, народ шумит, требует, а бухгалтер заявил, что сервисной службе заплатить нечем, и надо ждать конца месяца, когда придут деньги из бюджета. Но народу на все эти отмазки наплевать, зреет бунт.

— Сегодня суббота, воспитанников, как вы видите, немного, а то бы на меня налетели уже, — грузно поднимаясь на третий этаж, пояснила Лидия Петровна. — Маленьких многих по семьям разобрали. Не по своим, не подумайте. Так, берут люди добрые на день, на два редко, в гости. Кто в зоопарк ведет, кто дома с ними общается. Ну а старшие — у тех свои дела, особенно у выпускников. Кто у себя в комнате занимается, кто у куратора в библиотеку отпросился, или просто гулять пошли. Тех, кому пятнадцать исполнилось, редко кто в дом приглашает. Характер у ребяток ломается, они уже не плюшевые, вот и не берут их на выходные.

Катя шла следом, изредка бросая взгляды по сторонам и боясь встретиться взглядом с каким-нибудь детенышем. Вдруг детеныш подумает, что тетя пришла не просто так, а хочет взять его в гости или в осенний зоопарк? Хорошо, что их и вправду было мало.

Но составить представление о порядках в интернате все же можно было. Кажется, дети были чистенькие и не в очень-то обносках. Обычная одежда. И у младших не было того взрослого серьезного взгляда, от которого делается не по себе любому нормальному человеку.

– Старшие сейчас уроки делают, – пояснила Лидия Петровна. – В принципе, как помощники они нам не нужны, как тягловая сила, я имею в виду. Все компьютеры уже перенесены в игровую, нам только нужно зайти в мой кабинет за ключами.

И они поднялись на третий этаж.

– Что это я, кабинет забыла закрыть? – озадаченно проговорила Лидия Петровна, ворочая ключом в замочной скважине.

Дверь действительно оказалась незапертой, и, когда они открыли ее, перед ними возникла дивная картина.

Спиной к вошедшим, за столом у светящегося монитора сидел тощий взъерошенный подросток и торопливо стучал мышью, пытаясь быстро проделать некую операцию, а за его плечом, нетерпеливо переминаясь с одной ноги на другую и пытаясь время от времени выхватить у соучастника замученную мышь, маялась девица того же возраста.

– А вот и наше подрастающее поколение, позвольте представить! – громовым голосом провозгласила директриса.

Народ прижал уши и развернуться к публике не решался.

– Того, кто у компьютера орудует, зовут Геннадий Коростылев, ассистирует Виктория Медведева. Не помешали? – так же грозно продолжала директриса, которой, надо полагать, было малость неловко перед соседкой.

Все секретарши жуткие сплетницы, а дамочка – администратор, что одно и то же. Будет теперь на каждом углу рассказывать, что у них в интернате совсем нет порядка.

Однако пришлось учинять допрос при посторонних.

Из путаных и невнятных показаний следовало, что электронную почту нужно было проверить срочно, просто зарез, а компьютер в ка-

бинете у директора — единственный. Ждать понедельника, чтобы проверить почту в школе, никак нельзя, вот и пришлось воспользоваться.

— Чем воспользоваться?! — грохотала директриса. — Кабинетом? Компьютером? И главное, как дверь открыли? Я точно ее закрывала. Мне что, теперь не верить тут никому? Замки менять? — и сообразив, что дальнейшее выяснение лучше отложить, отправила преступников по комнатам.

Катя молча наблюдала эту картину.

Она всматривалась в лица двух этих странных людей, мальчика и девочки, странных, потому что живут не так, как жила она в детстве и юности, и ей неизвестно, как это — жить в каком-то казенном доме, где нет ничего твоего, где ты на виду и тобою распоряжаются какие-то чужие, равнодушные люди, и главное, она не знала, как это — знать при этом, что бывает иначе: дом, мама, отец... А у тебя этого нет и не будет никогда.

Катя все смотрела и почему-то не могла отвернуться, хотя была хорошо воспитана и всегда считала это качество своим безусловным достоинством.

А здесь смотрела.

Потом дети ушли, Лидия Петровна вытащила ключи из ящика стола, и они снова отправились на первый этаж в игровую комнату.

Катя так была поглощена мыслями, что даже пропустила весь фуор, ради которого она все это и затевала, и ради которого отложила визит в «Диану» и еще какие-то другие дела.

Делая все механически, она соединила процессоры в локальную сеть, применив простые настройки, убедилась, что все работает, и пообещала сильно удивленной Лидии Петровне как-нибудь зайти на досуге и все довести до ума.